

Яркие огни, Большой Будда

Анил Ч.С. Рао

Анил Ч.С. Рао
Яркие огни, Большой Будда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896522

ISBN 9785005095008

Аннотация

Повесть «Яркие огни, Большой Будда» написана на стыке жанров – галлюцинаторного реализма и драг-фикшн. Эта полубиографическая история переносит нас в Америку конца 80-х годов прошлого века. В ней рассказывается о юноше из уважаемой семьи. Он молод, хорош собой и талантлив – перед ним открыто множество возможностей добиться успеха в жизни. Однако, предпочтя реальному миру психоделические грезы, он ступает на путь медленно развивающейся шизофрении.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	38
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Яркие огни, Большой Будда

Анил Ч.С. Рао

© Анил Ч.С. Рао, 2019

ISBN 978-5-0050-9500-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 СЕНТЯБРЯ 1986

Помню, как смотрел в окно родительского BMW 735, когда мы пробирались сквозь полуразрушенные здания в центре Бруклина, стоявшие на фоне темных облаков серого сентябрьского дня. Почему-то голоса, которые полностью управляли моим существованием в течение последних нескольких месяцев, казались далекими, но все еще упрекали. Вдобавок ко всем нашим несчастьям полицейский из отделения полиции Нью-Йорка остановил нашу машину и выписал моему отцу штраф за проезд на красный свет – чего он не делал. В какой-то момент я отключился из-за кодеин-содержащего тайленола¹, с помощью которого предпринял нерешительную попытку суицида несколько часов назад. В то время мой отец был главным анестезиологом в больнице округа Принс Джордж в Чеверли, штат Мэриленд, и потому ожидалось, что он отвезет меня к своему другу – коллеге доктору Гарольду Хойту, заведующему психиатрическим отделением больницы.

После очередной ночи то мучительных, то ужасающих галлюцинаций меня отвели к доктору Хойту в его частный

¹ Тайленол – препарат от простуды, действующее вещество – парацетомол. (Здесь и далее примечания переводчика).

кабинет, расположенный рядом с больницей. Вскоре после того, как мы с родителями приехали туда, меня вызвали из приемной. Я заговорил первым.

– Доктор, в чем разница между психозом и неврозом? – спросил я искренне, едва сдерживая слезы. Не помню его ответа.

– Что ты слышишь, Анил? Голоса говорят, чтобы ты навредил себе?

– Прямо сейчас? Сейчас это ребята из Style Council².

– Star Council?

– Нет, доктор. Style Council. Это музыкальная группа.

– Музыкальная группа? И что они говорят тебе?

Я проигнорировал его вопрос, будучи полностью поглощенным голосами.

– А теперь ребята из Wham! говорят со мной.

– Wham? Это тоже что-то музыкальное? Анил, ты слышишь меня? Анил, это доктор Хойт!

Мне показалось, через пару секунд я снова очутился в приемной. Доктор Хойт позвал моего отца в кабинет и захлопнул за ним дверь. Я едва мог расслышать их приглушенные голоса сквозь шум тех голосов, которые теперь бушевали в моей голове.

Когда я прибыл в больницу Шепард-Пратт к северу от Балтимора, меня опросил врач, который должен был наблюдать за моим лечением, и с которым я, как предполага-

² Style Council – британская рок-группа 1980-х годов.

лось, буду видаться каждую неделю ради того, что они называют терапией. Ее звали доктор Клоноп. Она была обладательницей темных волос и темных глаз и порой впадала в неожиданный смех – я все думал, что же там было такого смешного. Она поражала меня назойливостью своего поведения, при этом явно пытаюсь выстроить невидимую перегородку, столь обычную для ее профессии. Не успела она появиться, как тут же исчезла, и я обнаружил, что меня ведет молодой медбрат Аллен через пещерные коридоры больницы – в палату, которая стала для меня домом на следующие три месяца.

Суматоха поднялась вокруг меня, стоило мне войти в главный кабинет отделения, ярко освещенный послеполуденным солнцем. Я обшарил карманы в поисках сигареты и, не найдя ни одной, повернулся к коренастому мужчине, который поднял голову, оторвавшись от игры в пинокль³. Он посмотрел на меня горестно, почувствовав мое отчаяние, и предложил одну из своих «Мальборо», за что я поблагодарил его.

Моим соседом по палате был бухгалтер средних лет, страдавший каким-то маниакальным расстройством. Он настаивал на том, чтобы его радио играло и после того, как выключали свет, нас запирали в палате и велели засыпать.

Двумя часами ранее я стоял в очереди у поста медсестры, и, когда моя очередь подошла, мне выдали маленький пла-

³ Пинокль – карточная игра, рассчитанная на 2—4 человека.

стиковый стаканчик с тремя розовыми таблетками, которые я без вопросов проглотил. Это была большая доза антипсихотического халдола⁴. К тому времени, как я улегся спать, мышцы одеревенели, и это ощущение, вкупе с жалобной музыкой, доносившейся из радио, не давало мне заснуть. Из-за этого мне пришлось выйти из палаты в темный коридор. Аллена нигде не было видно, но ко мне тут же подошел другой, более пожилой санитар и грубо сказал:

– Вернись в палату! Ложись в постель!

– Никак не могу заснуть, – коротко ответил я.

– А в чем проблема?

– Мои кости. Все – как деревянное.

– Это от лекарств. Тебе придется с этим смириться.

– Дело не только в этом. Никак не могу остановить свои мысли.

– Это пройдет. Должно пройти несколько дней, прежде чем лекарство начнет действовать.

– А что, мне нельзя поспать на диване в комнате для посетителей? – спросил я, надеясь, что хотя бы избавлюсь от музыки.

– Не уверен. Мне нужно спросить разрешения.

Он помолчал, опустив глаза, приложил руку к подбородку, снова поднял глаза и сказал:

– У нас есть комната отдыха.

⁴ Халдол (галоперидол) – нейролептик. Устраняет стойкие изменения личности, галлюцинации, мании, усиливает интерес к окружающему миру.

– Что за комната отдыха? – спросил я.

– Пошли, покажу.

Он повел меня в конец коридора и открыл дверь в комнату отдыха. Я кивнул в знак согласия и принял от него фланелевое одеяло и подушку. Он выключил одинокую флуоресцентную лампу, а я тут же лег на холодный линолеум на полу. После часа беспомощного ощущения своих затекших мышц я провалился в беспокойный сон.

Глава 2

ПЯТНИЦА, 27 ЯНВАРЯ 1984

Я выбрал инженерную специальность, что в любом другом учебном заведении считалось бы нормальным. Вот только у меня, можно сказать, любовь ко всему ненормальному: в моем институте самой популярной специальностью было изобразительное и прикладное искусство, потом архитектура, и только потом – инженерия. Когда ты сидел в кафе кампуса, было совсем не сложно разобрать, кто какую специальность предпочел. Только по одежде и по учебным принадлежностям каждый мог бы отличить художника от архитектора и архитектора от инженера.

Люди со всего мира собрались здесь, чтобы изучать изобразительное и прикладное искусство. Люди со всей страны собрались здесь, чтобы изучать архитектуру. Люди со всех окраин Нью-Йорка собрались здесь, чтобы изучать инженерное дело – но я был исключением.

Мой сосед по комнате в общежитии, как и следовало ожидать, специализировался на изобразительном искусстве. Его звали Энсил Фортин из Буффало, штат Нью-Йорк. Его отец был медиком, как и мой, но, в отличие от моего отца, он, очевидно, поощрял Энцила следовать зову своего сердца. В то время я задавался вопросом: какое будущее ждет Энцила

(при условии, что он получит высшее образование) – человека, единственный высоколиквидный навык которого заключался в использовании угольных карандашей и газетной бумаги. Даже если бы у меня был дар, я сомневаюсь, что отважился бы на столь рискованную жизнь. У Энсила был талант, который доставлял ему мгновенное удовольствие: он мог свернуть косяк меньше, чем за 30 секунд. А еще он был гордым обладателем фаллообразного трехфутового бонга⁵. Согласно сложившемуся стереотипу, Энсил и его друзья-художники от всей души веселились почти каждый божий день – до, во время и после занятий. Чаще всего я играл роль угрюмого наблюдателя – примитив – беспомощно осозная, что Энсил, Марджи, Роберт, Чапин и Дэй скручивают и курят жирные косяки под аккомпанемент грохочущего рока.

Я заметил это еще в старших классах, но откровение снизошло на меня только после того, как я провел около двух месяцев, смиренно уживаясь с Энсилом и его бандой весельчаков – и остальных обитателей студенческого общежития. Вся эта музыка, в частности рок, была той сутью, вокруг которой вращалась их жизнь. А у фанатов Grateful Dead, обожествлявших Джерри Гарсию, это явление было доведено до крайности. Они, не раздумывая, пропускали несколько дней учебы в школе, чтобы попасть на концерт в Аллетауне, штат Пенсильвания.

⁵ Бонг – устройство для курения конопли и табака.

Если музыкальная коллекция подростка состояла из Pink Floyd, Doors и Grateful Dead (особенно Dead), можно было бы с уверенностью сказать, что он регулярно получал кайф.

Моя первая встреча с Энсилом случилась вскоре после прибытия в кампус за пару дней до начала семестра. Распаковав свои скудные пожитки (немного одежды, флуоресцентную настольную лампу, туалетные принадлежности) я прошелся по территории и обнаружил, что ванная комната и кухня были абсолютно грязными; мой комод и весь пол были покрыты слоем пыли. Я гневно ринулся на поиски Энсила, но уперся в закрытую дверь. Тихонько постучав в дверь, я не дождался ответа.

В тот вечер, когда я кипятил воду для чая на по-прежнему грязной кухне, он бесшумно подошел ко мне сзади и громко сказал:

– Привет, чувак!

– Привет, я Анил, – ответил я, сдерживая гнев.

– Повтори, что ты сейчас сказал?

– А-нил, – произнес я, словно для иностранца.

– Али?

– Нет! Аа-нил.

– Али.

– Ладно, Али, – сказал я, наконец, несколько раздраженно.

Следующие три ночи Энсил со своими весельчаками

устроивали такой шум, что я едва мог заснуть.

Во вторник я проснулся в 11 часов и на полчаса опоздал на свой первый урок в этом семестре – неорганическую химию.

Глава 3

ПОНЕДЕЛЬНИК, 20 МАЯ 1985

Мое возвращение в Бруклин было вызвано появлением моего имени в списке имеющих право на отдельную комнату в общежитии. «Процесс»⁶ пришел к своему естественному завершению – я заново родился и теперь был женат. И звали меня теперь Али. Мой стиль был необузданным – в одежде, внешнем виде и поведении. Я носил одежду с лейблом новичка в ready-to-wear⁷ – Томми Хилфингера.

Девушка. Девушка. Девушка. Ах да, девушка. Она была из Ирландии. Я женился на ней вскоре после прибытия в страну по туристической визе.

Как-то раз, когда она гуляла по 7-й Авеню, ее обнаружил один «разведчик» из модельного агентства «Элит», а через несколько месяцев, когда ее карьера взлетела до небес, она оставила меня с рогами ради перспективного фотографа.

⁶ Автор имеет в виду «процесс» трансформации сознания, отсылая к истории Джидду Кришнамурти – индийского духовного учителя и философа, воспитывавшегося некоторое время в отделении Теософского общества в Индии. Именно в тот период жизни он перенес «трехдневный духовный опыт», состояние, которое посещало Кришнамурти и в дальнейшем на протяжении всей жизни. Близкие дали название этому состоянию – «процесс».

⁷ Ready-to-wear – модная одежда, созданная известными модельерами и дизайнерами для массового производства.

Как бы банально это ни звучало, история моего брака на этом заканчивается – мое воображение все еще прибегало к штампам, несмотря на прохождение через «Процесс». Я бессознательно транслировал эту выдумку всему миру (или тем, кого я считал «всем миром»), используя при этом музыку: мой репертуар ограничивался Duran Duran, U2 и Dire Straits, едва пробравшихся в список «Сорока Лучших Исполнителей» по версии Tower Records⁸.

Когда я слушал музыку, чаще всего надравшись дешевого скотча или накурившись травки, я действительно верил, что когда-то был женат на ирландской модели. И я верил, что весь мир верит, что я женат на ирландской модели. Я поглощал ее, вдыхал ее и выделял с потом.

Подруга моего соседа по комнате Дебби училась на модельера и была ужасной сплетницей. Я нацелил Дебби на то, чтобы распространить мою историю по всем ее друзьям, посеяв семена известности и внимания, которые будут преследовать меня ближайшие несколько месяцев. Известность и внимание были тем, чего искал каждый нью-йоркский стилиста.

Мой сосед Рэй учился на архитектора и был из Йонкерса. Его родители эмигрировали из Доминиканской Республики более двух десятилетий назад. Следуя стереотипу, он выбирал и вещи, и атрибуты кричащих цветов и врубал свое стерео на такой же кричащей громкости.

⁸ Tower Records – звукозаписывающая компания.

Рэй называл свою дурь «Будда», сразу после встречи объяснив мне (и предупредив), что она «сильнодействующая». И это было еще мягко сказано. Стоило мне сделать два резких вдоха – моя перспектива исказилась настолько, что кричащий желтый матрац Рэя начал менять форму. Двери восприятия распахнулись настежь. За несколько дней до этого я прочитал статью в одной из местных газет о наркоторговцах, которые погружают травку в формальдегид, что иногда приводит к постоянному кайфу, а в некоторых случаях вызывает психоз. Я никогда бы не сказал наверняка, была ли травка Рэя испорчена таким образом или нет, но дальнейшее употребление травки из других источников лишь подтверждало то, что тут определенно было что-то подозрительное.

Спустя некоторое время после общения с Рэем и вдыхания «Будды» я начал слышать голоса – но ничего такого дикого, что было на последней стадии моей болезни. Поначалу я думал, что этот голос – ответ на мое глубинное желание – может, Ирландская Модель?

«Али, я люблю тебя»

«Кто он? – спросил я себя. – Кто она?»

Глава 4

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 ФЕВРАЛЯ 1986

Интересно, а как бы Ирландская Модель проводила свои дни. Подпитываемое травкой и дешевым виски, мое воображение разыгралось. Моя Ирландская Модель зависала бы со своей модной мафией и вынюхивала бы такое количество кокаина, что даже Стив Рубелл⁹ бы поежился. Она находила бы пристанище в клубах, таких как: «Палладиум», «Ареа», «Лаймлайт», «Молочный бар»¹⁰, и, по крайней мере, в одном клубе-афтерпати наподобие «Кулера» или «Спасите роботов»¹¹. Тусовки с модной мафией позволили бы ей передвигаться по Манхэттену на белом лимузине «Линкольн Континентал». Она бы обсуждала свое фото на обложке *Vanity Fair* с лучшими людьми своего времени: художниками, артистами, писателями, кинопродюсерами и рок-звездами. А на рассвете ее бы высаживали у ее лофта в СоХо¹².

⁹ Стив Рубелл – основатель легендарного клуба «Студия 54», где можно было безнаказанно употреблять наркотики и заниматься сексом, своеобразная мекка для любителей вечеринок.

¹⁰ Автор перечисляет ночные клубы Манхэттена, особенно популярные в 1980-х годах.

¹¹ *Save the Robbotts* – андеграундный афтерпати клуб в Ист-Виллидж, Нью-Йорк.

¹² *SoHo* – южная часть улицы Хьюстон (*South of Houston Street*), название придумано градостроителем Честером Рапкиным, созвучно с лондонским *SoHo* –

Она проспит до полудня, а потом проснется, чтобы забрать с порога последний выпуск *Women's Wear Daily*¹³, приготовить эспрессо и прослушать бесчисленное количество сообщений на автоответчике от модной мафии.

В свою кассетную деку *Nakamichi*¹⁴ она вставит альбом *Pe Shop Boys «PLEASE»* и перемотает до песни «Tonight»: «Мы могли бы проваляться в постели весь день, а потом и всю ночь».

Сегодня у нее нет работы. Она нарезает пять дорожек кокса на своем стеклянном обеденном столе и быстро нюхает их. Перематывает кассету до отрывка: «Ты можешь всю жизнь прожить в одиночестве» и думает о своем дружке-фотографе Урисе, который улетел на съемки на Гаити.

«И правда, одиноко», – говорит она, протягивая руку за фаллоимитатором, но, решив, что не в настроении для такого возбуждения, кладет его обратно на обеденный стол.

Она открывает журнал. Под заголовком «КТО ОН?» размещена история о киновечеринке, на которой она была прошлым вечером: «КТО ОН?», Майкл Мусто¹⁵.

Неизвестный клуббер на вчерашней вечеринке в «Лайм-

районом в Вест-Энде.

¹³ *Women's Wear Daily* – популярный журнал об индустрии моды.

¹⁴ *Nakamichi* – японская компания, основанная братьями Накамити, ведущий производитель кассетных дек.

¹⁵ Майкл Мусто – американский журналист, долгое время писал о ночной жизни, вел колонку сплетен в «Голосе Гринвич-Виллидж», автор многочисленных обзоров и интервью.

лайт» украл представление, созданное для дебютного фильма Пирса Броснана «Кочевники». Молодой человек в сером костюме от Армани и мокасинах от Гуччи (на босу ногу) сделал дурную пародию на ирландца, известного своей ролью в телесериале «Ремингтон Стил»¹⁶. Говоря на чистейшем английском языке, как в передачах ВВС, этот незванный гость всю ночь держал пресс-корпус в замешательстве, а потом исчез так же таинственно, как и появился. В последний раз его видели входящим в метро на Четырнадцатой/Шестой Аvenuesю.

¹⁶ «Ремингтон Стил» – сериал, в котором Пирс Броснан сыграл главную роль.

Глава 5

СУББОТА, 18 ФЕВРАЛЯ 1984

Ночные угарные вечеринки у Энсила начинали действовать мне на нервы. И дело было не только в том, что музыка, доносившаяся из его комнаты всю ночь напролет, мешала мне спать, но и в том, что у Энсила и его весельчаков неизбежно начинался жор в два часа ночи. И, поскольку он тратил почти все деньги на траву, они съедали за одну ночь продукты, на которые я планировал прожить неделю.

Много раз я заходил по утрам на кухню и обнаруживал, что мой соус для спагетти разбрызган по стенам и столешницам, тарелки громоздятся в раковине на целую милю в высоту. Столкновение было неизбежно, и в один прекрасный день оно произошло.

– Энсил, ты должен перестать съедать всю мою еду! – строго сказал я.

Энсил опустил глаза, и его, казалось, исчезающая улыбка превратилась в легкую нахмуренность.

– Эй... парень, прости меня.

– Понимаешь, дело не только в еде, – продолжил я. – Я просыпаюсь по утрам и вижу, что кухня стала похожа на место зверского преступления!

Я говорил еще пять минут, изливая столь долго сдержива-

емое страдание. Энсил говорил очень мало, глядя в пол, избегая встречаться со мной глазами. До меня внезапно дошло, что Энсил и его весельчаки просто не знают ничего лучшего. Высшее образование означало для них всего лишь череду вечеринок, подавляемых родителями в школьные годы.

Вскоре меня поглотила бездна угрызений совести. Мысленно я перебирал варианты действий, которые могли бы наладить наши добрососедские отношения, и пришел к выводу, что лучшим способом загладить вину было бы участие в том, что Энсилу и его весельчакам удавалось успешнее всего – употребление наркотиков.

– Ты меня разводишь! – ответил Энсил со своей фирменной зубастой улыбкой.

– Нет, чувак, я серьезно, – продолжал я. – Я бы хотел закинуться кислотой с вами.

– Разводишь меня!

– Нет, Богом клянусь, я серьезно!

Энсил провел меня через общежитие, чтобы познакомить со своим поставщиком ЛСД, скульпторшей с лошадиным лицом, но потрясающими ногами по имени Джуди. Ее комната была оформлена в стиле бойскаутской палатки Джерри Гарсии – стены и потолок обтянуты варенкой и батиком.

Она бросила крошечный белый квадратный кусочек бумаги на кульман и справилась у Энсила:

– Вы, ребята, собираетесь закинуться каждый по дозе?

– Нет, Али может взбеситься. Просто подели напололам.

Джуди достала нож X-Акто и аккуратно разрежала маленький квадратик на половинки, бросив оба кусочка в ладони Энсилу. Мы с Энсилом разошлись по своим комнатам, где каждый из нас проглотил свою половину.

– Али, это будет долгая ночь.

Я действительно с нетерпением ждал этого.

Глава 6

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 МАЯ 1984

Я устал от Энсила и его весельчаков. И вот в один день в конце семестра я сел в скорый поезд до Нью-Джерси и сошел на остановке в городке Харрисон, недалеко от Ньюарка. Мое внимание привлекла большая фабрика по производству противоблошинных ошейников Hartz прямо за станцией. В Харрисоне, как и в Бей-Ридже, Бруклине или Стейтен-Айленде, Маркс и Энгельс нашли бы настоящий нью-йоркский пролетариат – людей, зависимых от Манхэттена своим доходом, которого никогда не хватило бы на мало-мальски комфортную жизнь.

Возможно, из соображений гигиены и экономии я решил присоединиться к пролетариату, чтобы отдалиться от культурного насилия, в котором я жил в бруклинском общежитии. Секс, наркотики и рок-н-ролл – я был контужен, но в то же время никак не хотел переводиться в университет за пределами Нью-Йорка. Я нашел маленькую студию на верхнем этаже сборного рядного дома неподалеку от фабрики по производству каких-то химикатов – что бы там ни было, я чувствовал этот запах по ночам, в один и тот же час, стоило мне оставить окно открытым.

В городе часто мелькали тони манеро прямо из «Лихорад-

ки субботнего вечера»¹⁷, разъезжавшие взад-вперед по главной улице в бесстыжих черных «Шевроле Камаро», из которых вырывались «Eyes Without a Face» Билли Айдола или «Get Into the Groove» Мадонны. Но, помимо этих незначительных раздражающих факторов, это местечко было вполне нормальным и, что самое главное, приемлемым – учитывая жадность моего богатого отца.

Местные жители были очень подозрительны, как будто их драгоценная популяция могла исчезнуть в любую минуту, как будто у них забирали почву из-под ног. В отличие от Манхэттена, здесь разнообразие становилось поводом для предрассудков, а не основой гармонии.

Гринвич-Виллидж реально находился где-то посередине между мной и моим кампусом в Бруклине. Если в окрестностях Нью-Йорка и есть местность, полностью соответствующая клише, то это Виллидж. Каждый подросток из этой части Нью-Джерси рассматривал этот район как парк развлечений – до него легко добраться на скором поезде, так же как по монорельсовой дороге до Диснейленда. Приезжая туда, они болтались по Вашингтон Сквер Парк, словно Микки и Гуффи по Нет-Нетландии¹⁸, там каждый мог увидеть, как они красуются у фонтана – с уродливыми желтыми пакета-

¹⁷ «Лихорадка субботнего вечера» – американский музыкальный художественный фильм, сыгравший большую роль в популяризации музыки в стиле диско. Роль главного героя Тони Манеро принесла Джону Траволте всемирную славу.

¹⁸ Автор обыгрывает название нереального места, придуманное Джеймсом Барри, где происходят события его произведений о Питере Пэне.

ми Tower Records, заполненными представителями рейтинга «Сорок Лучших исполнителей»¹⁹.

Я сам был культурно неграмотен, как тот же Тони Манеро – время для прозрения еще не пришло, и я также поддерживал Tower Records, гордо разгуливая по Бродвею с кричащим желтым пакетом, в котором, по иронии, была как раз та музыка, о которой я узнал от Энсила и его весельчаков. Проезжая на скором поезде от Восьмой улицы до Шестой Авеню через промышленную пустошь Джерси к своему месту отдыха в Харрисоне, я потягивал пиво из темного пакета через соломинку. Физически я путешествовал по воде и по суше, а духовно оставался в вакууме. «Процесс» еще не начался.

¹⁹ Здесь автор намекает на карикатурность внешнего вида и поведения жителей Нью-Джерси, приезжавших в Нью-Йорк, главным образом чтобы отовариться в знаменитом музыкальном магазине.

Глава 7

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 ЯНВАРЯ 1985

Мой дерматолог в Мэриленде назначил мне изотретиноин²⁰, и мои тяжелые угри начали исчезать, но вместо этого появилась катастрофическая сухость и шелушение всех слизистых оболочек.

«Процесс» начался.

Я пришел в класс не сознательным и не вдохновленным, и единственное, что меня радовало – это довольно приличные оценки по предмету, который вначале казался пугающим и концептуально непостижимым: пределы, свертка, суперпозиция, экзотермические реакции, адиабатические процессы, коэффициенты отражения, статическое равновесие, частные производные, статистика Ферми-Дирака, скорость по отношению к расстоянию и времени, ускорение и, что важно, понятие энтропии. И это в то время, как мои собратья-художники, вместо того чтобы попытаться измерить, проанализировать и описать мир физически, бесстрашно погружались во внутренний мир бессознательного, а архитекторы оставались там, где кончается один мир и начинается другой.

²⁰ Изотретиноин – лекарство, используемое для лечения угревой болезни тяжелой степени.

Пиво потреблялось ежедневно, и я все еще поддерживал связь с Энсилем и его новым соседом по комнате Хьюи, который сказал, что я пугаю его, рассказывая о том, что в последнее время чувствую, будто горю. Энсил был так любезен, что позволил мне купить ему травку в магазине, который продавал ее эксклюзивно на задворках кампуса. Но я все больше и больше склонялся к тому, чтобы самому сходить в тот магазин за травкой и выкурить в одиночестве по возвращении в свою берлогу в Харрисоне. Постепенно мои предубеждения, страхи и комплексы стали подобны палке, сгибаемой с обоих концов, и место разлома совпало с окончанием «Процесса».

В лютом холоде и темноте зимы я бесцельно бродил по улицам Нижнего Манхэттена, останавливаясь в одном кофейном магазине продуктов за другим, чтобы купить пива и выпить во время блуждания и поездки на поезде до Джерси. Мои губы сильно шелушились из-за морозного ветра, и они трескались до крови, когда я сквозь боль ел фалафель, соулваки и пиццу в маленьких недорогих ресторанах на улице Макдугал. Мне нужно было во что бы то ни стало отличаться от Тони Манеро, который приветствовал меня при выходе на станции Харрисон, а в моем арсенале была естественная склонность к чистому, неподдельному оксфордскому английскому языку, который я использовал, пугая барменов и продавцов Харрисона, ожидающих услышать просторечивый говор Тони Манеро.

В моей однокомнатной квартире из мебели были кульман и черный футон. У меня была волновая лава-лампа, которая освещала пространство синим светом. Зимняя тьма была прекрасна – как в Манхэттене, так и на промышленной пустоши Джерси, которую я ежедневно пересекал на скором поезде. Я часто оставлял единственное окно открытым, чтобы чувствовать ледяной, пронизывающий ветер своим лицом – это ощущение было физически приемлемым и даже приятным, благодаря травке и пиву.

«Процесс» продолжался. Иногда по ночам я чувствовал страшную боль в основании позвоночника и, чтобы облегчить ее, я курил травку. Курил, в свою очередь, в сопровождении музыки, привезенной с Манхэттена в одном из тех крикливых желтых пакетов Tower Records. Я начал погружаться внутрь себя – непроизвольно и совершенно неподготовленно. Но в этом мире я не обнаружил драконов, химер и крылатых коней – вместо этого я оказался в мире манхэттенских стереотипов: манекенщица, эмигрировавший английский поп-музыкант, торговец облигациями с Уолл Стрит в костюме от Brooks Brothers²¹, художники, которые растягивали огромные полотна на заброшенных складах восточного Нью-Йорка, превращенных в лофты, писатели, которые думали, что пребывание в Нью-Йорке каким-то образом подтолкнет их к глубокому прозрению, пан-

²¹ Brooks Brothers – одна из старейших марок мужской одежды в США.

ки из CBGB²², сидевшие на метадоне, который должен был их вылечить, а еще толпа богачей с Парк-Авеню, с которыми я взаимодействовал на эксклюзивных обедах и в светских интригах, описанных в романах Луи Очинклоса²³. Я действительно натолкнулся на Грааль в этих путешествиях, только его тайна была скрыта в том, что нью-йоркцы называли стилем, а Королем-Рыбаком²⁴ был Роман Полански в изгнании²⁵.

²² CBGB – музыкальный клуб, просуществовавший с 1973 по 2006 годы в Манхэттене. Завсегдатаями клуба были Энди Уорхол, Малкольм Макларен, Уильям Берроуз и другие люди искусства. Принято считать это заведение местом обитания представителей панк-среды.

²³ Луи Очинклос – американский юрист, писатель, историк и публицист. Наиболее известен как романист, автор книг, исследующих психологию представителей высшего класса американского общества.

²⁴ Король-Рыбак – персонаж легенд о рыцарях Круглого Стола, хранитель Святого Грааля.

²⁵ Роман Полански – знаменитый французский режиссер, обладатель «Золотой пальмовой ветви» Канн, «Золотого медведя» Берлинского МКФ, «Золотого льва» Венецианского фестиваля, «Оскара», «Сезара», «Золотого глобуса», BAFTA, премии «Феликс» – за лучший фильм, режиссуру и вклад в развитие кино, а также других многочисленных кинонаград. Был исключен из Американской киноакадемии в связи с обвинениями в изнасиловании, совершении несовершеннолетних и домогательствах.

Глава 8

ПОНЕДЕЛЬНИК, 22 СЕНТЯБРЯ 1986

Прошла неделя, прежде чем я привык к распорядку дня в Шепарде – к структуре, как ее называли сотрудники. Голоса «весельчаков» смолкли в обмен на успокоительное и одеревеневшие мышцы. Из-за этих побочных эффектов мне хотелось покинуть больницу. Когда родные приехали навещать меня, я умолял их выписать меня вопреки рекомендациям врача. Мои мольбы вызвали у матери слезы.

Доктору Клоноп я признался в том, что ранее употреблял наркотики, и теперь она не позволила бы мне покинуть больницу даже на короткий срок из-за опасений, что я сбегу, помчусь в ближайший винный магазин или, возможно, даже каким-то образом достану гнусную сому²⁶ «весельчаков» – марихуану. Было очевидно, что до тех пор, пока я не смогу продемонстрировать свою приверженность партийной линии 80-х годов – «Скажи „НЕТ“ наркотикам!», или пока моя страховая компания не прекратит выплаты Шепарду, я останусь там.

Значительная часть подопечных страдала целой гаммой пристрастий, и я часто обменивался замечаниями о радости

²⁶ Сомы – ритуальный напиток у индоиранцев и в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах, персонифицируемый как бог.

от употребления выпивки или запрещенных веществ, о некоторых из которых я только слышал.

С одной стороны, нам дозволялось разговаривать, но медперсонал неизбежно передавал темы разговоров доктору Клоноп, которая, в свою очередь, усиливала партийную линию и еще больше препятствовала каким-либо планам познания мира на свободе.

Может быть, помимо слуховых галлюцинаций, я страдал какой-то врожденной формой депрессии, но неистовое любопытство к модным выходкам «весельчаков» теперь было где-то на периферии моего сознания – не в центре внимания.

На арт-терапии меня попросили нарисовать, как я себя чувствую. Я нарисовал изображение очень симпатичной ирландской модели – единственной обительницы танцпола в каком-то ночном клубе. Пульсирующий свет отбрасывал мрачные тени на ее лицо. На ней было черное платье и нитка жемчуга. Она смотрела вверх, словно спрашивая: «Почему?»

Глава 9

СУББОТА 13 ИЮЛЯ 1985

Ирландская Модель сидела с задумчивым видом посреди толпы у «Палладиума». Этот клуб открылся недавно, чтобы стать следующим детищем Стива Рубелла после его сильно нашумевшей «Студии 54». Проект разработан архитектором Арата Исодзаки как проникновение в душу городского жителя – нью-йорского гедониста.

Ночь набирала обороты, и ничего не было оставлено на волю случая; освещение и реквизит переместились и изменились в заранее продуманном танце. Возникшее ощущение блаженства было продолжительным и, возможно, даже рафинированным через повсеместное вдыхание кокаина и вливание «Абсолюта».

В финале этого вечера Ирландская Модель подняла глаза на пульсирующие огни и отвернулась от болтающих друг с другом друзей из модной мафии. Огромный принт Кита Харинга²⁷ медленно опустился позади танцплощадки. В этот вечер у Ирландской Модели вопрос: «Почему?» так и застыл на лице.

²⁷ Кит Харинг – американский художник, чьи граффити и поп-арт работы выросли из уличной культуры Нью-Йорка 1980-х годов.

Глава 10

СУББОТА, 15 ФЕВРАЛЯ 1986

У меня был гаитянский друг, который жил за пределами кампуса и сидел на диете из танцевальной музыки, наркотиков и случайных встреч в каких-нибудь пошлых манхэттенских клубах, как например «Красный попугай». Мы познакомились в тот день, когда он со своим приятелем Дино в буквальном смысле наткнулся на мой столик в университетской столовой, которая была заполнена до отказа в обеденное время – а я был единственным посетителем, сидящим за столиком на четверых.

– Меня зовут... – он замолчал и по-девчачьи захихикал, когда мимо него пронеслась привлекательная блондинка.

– Сал-а-зар, а это Дино, – сказал он, указывая на молодого и слегка потрепанного вида парня.

Дино продолжил свой разговор с Салазаром, когда они уселись.

– Значит, эта гребаная сука, какая-то старая баба, и говорит мне: «Дино, почему у тебя позвоночник слегка смещен?» А я такой: «Ты собираешься переспать со мной, или нет?» Я, значит, танцую и покупаю этой сучке выпивку, а она изображает моего мануального терапевта!

– Может, она и есть мануальный терапевт? – решился

я вставить без приглашения. Салазар и Дино остановились и уставились на меня – у Дино отвисла челюсть. Схватив свой поднос, я встал, чтобы уйти. – Я, пожалуй, пойду.

Дино, по-бруклински жестикулируя обеими руками, сказал:

– Ты не хрена не обязан уходить из-за нас! Видок у тебя, как у чувака, которому не мешало бы повеселиться.

– Если ты о наркотиках... – сказал я, все еще предпринимая попытки быстро уйти.

– Хей-хей-хей! Я с тобой разговариваю! – сказал Дино, схватив меня за руку, и жестом пригласил сесть.

Вежливо вмешался Салазар:

– Сядь, пожалуйста.

Салазар, как оказалось, тоже учился на инженера. А специализацией Дино была архитектура, у него должно было быть чрезвычайно впечатляющее экзаменационное портфолио – за неимением чего-либо другого. Вскоре я понял, почему никогда не видел Салазара на занятиях. Он вместе со своим приятелем из Бей-Риджа был порождением ночи. У Дино был в некотором роде бисексуальный союз с промоутером мероприятий по имени Джесси, который обеспечивал их пару пропусками на частные вечеринки почти в любой ночной клуб, ведущий дела в Манхэттене. А Салазар стал свидетелем моего обращения в Первую Церковь Последних Дней Городских Гедонистов. Я был крещен в церкви, превратившейся в ночной клуб – «Лаймлайт».

В один из свежих февральских вечеров я должен был встретиться с Салазаром и Дино рядом с этим клубом, и – для этой пары характерно весьма смутное представление о времени – мне пришлось ждать на холоде около часа, прежде чем я сверкнул пригласительным над бархатной веревкой²⁸ и вошел в одиночку.

Внутри «Лаймлайт» все было пронизано главной идеей Мэдисон Авеню – идеей Вечности, основой, на которой строилась реклама духов²⁹. Дао Мэдисон Авеню. Меня поглотил калейдоскоп гедонистов внутри – и снова возникло ощущение блаженства, и вопрос «почему?» на этот раз стал риторическим.

Судя по пригласительному, это была вечеринка в честь фильма ужасов «Кочевники», в котором дебютировал актер по имени Пирс Броснан. Я никогда о нем не слышал.

²⁸ Бархатная веревка – используется для пропуска на светское заведение закрытого типа, куда нет доступа без специальных приглашений.

²⁹ В конце XX века на Мэдисон Авеню располагались офисы рекламных агентств США, поэтому название улицы стало нарицательным обозначением американской рекламной индустрии в целом. В частности, речь идет о рекламе духов «Calvin Klein Eternity» («Вечность»), чей офис также находится на Мэдисон Авеню.

Глава 11

ПОНЕДЕЛЬНИК, 6 ОКТЯБРЯ 1986

Известный Человек был, вероятно, единственной знаменитостью, с которой у меня был случайный разговор. Он был в Шепарде из-за депрессии и связанных с ней суицидальных мыслей. Я узнал от других, более старых обитателей клиники, что он был опытным репортером, который делал новости исключительно о войне во Вьетнаме для крупного телеканала. Он признался мне, что в какой-то момент в недавнем прошлом он решил спрыгнуть с крыши штаб-квартиры **КРУПНЕЙШЕГО НЬЮ-ЙОРКСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА**. С тех пор я задавался вопросом, как много заголовков могло бы собрать такое событие – вкуче с подробным интервью с руководителем **КРУПНОГО ТЕЛЕКАНАЛА**.

У нас был общий интерес: нью-йоркская опера – хотя я интересовался только поверхностно. С тем Известным Человеком мы предпринимали долгие прогулки по территории Шепарда. Стояла ранняя осень, и земля, с ее длинными полосами уже побуревшей травы, величественные дубы с желто-красной листвой и небольшой ухоженный сад служили нам фоном для дискуссий об ариях, дивах, тенорах и антисемитских оттенках вагнеровского «Тангейзера» (тот Известный Человек был евреем). Наконец, речь зашла о наших ле-

чебных планах.

– По-моему, Клоноп – сука, – сказал я.

Пройдя с четверть мили, Известный Человек повернулся ко мне и ответил:

– Знаешь, ты не единственный ее пациент, который придерживается такого мнения.

– Известный Человек, мне здесь правда не место. Я имею в виду, что я нормальный! Ради всего святого!

Известный Человек только усмехнулся, как будто понимал, чего мне так сильно не хватало.

Глава 12

ВТОРНИК, 20 АВГУСТА 1985

Ирландская Модель потягивала капучино в кафе «Фигаро» в Гринвич-Виллидж. Снаружи съемочная группа готовилась к съемкам следующей сцены в рекламе колготок Naupes. Режиссер был недоволен ее игрой и просил сделать перерыв. Он был резок и груб в обращении с ней на съемочной площадке, куда ее снова вызвали.

– Ладно, дорогуша, шагай живее, как говорят в метро. Сделаем еще один дубль. Оскар, ты готов? – Оператор утвердительно кивнул. – Хорошо! Снимай!

Из динамиков раздался громкий звон.

– Ладно, милая, по моей команде шагай живее.

Ирландская Модель получила команду. Стук ее каблучков свидетельствовал о том, что она пытается шагать живее, и она уже спускалась по ступенькам кафе. Ее каблук застрял в трещине тротуара, заставив ее споткнуться и упасть на дорогу.

– Снято! – крикнул режиссер, и бубенчик стал затихать, пока не умолк совсем. Ирландская Модель лежала на тротуаре и смотрела в безоблачное голубое небо, словно спрашивая: «Почему?»

Глава 13

СУББОТА, 8 МАРТА 1985

Салли и Хайди были соседками по комнате в общежитии и учились на иллюстраторов. Обе они были выходцами из респектабельных семей Филадельфии. Помимо общей специальности, их объединяло многое другое: в частности, подавленная сексуальность и тенденция к фанатизму по знаменитостям из музыкальной и киноиндустрии либо по кому-то из однокурсников. В прошлом Хайди пережила продолжительную влюбленность в симпатичного студента-искусствоведа по имени Дэвид Вайнман. А Салли только что избавилась от одержимости Майклом Дж. Фоксом, которого она месяцами преследовала возле его дома в Беверли Хиллз. Она смогла выбраться из этого состояния только после года интенсивной терапии. А теперь внимание обеих девушек было приковано к Али.

В конце дня после занятий они вернулись в свою комнату, чтобы пересмотреть сотни фотографий с Али, которые они сделали тайно. В углу их общего шкафа они соорудили маленький алтарь, посвященный Али. Однажды Салли попыталась подойти к Али в школьной столовой, желая поцеловать его, но он не обратил на нее внимания. И это только укрепило ее преданность Али.

Хайди уговорила родителей позволить ей совершить месячную поездку в Индию. Там она встретила разных индийских гуру в священном городе Ришикеш и суфийских мистиков в Хайдерабаде. И у ученого, и у шарлатана она спрашивала одно и то же: «Разве нельзя поклоняться личному Богу?» Они отвечали в унисон: «Можно, если это ведет к поклонению безличному Богу».

Для Хайди этого было достаточно. Покойный Али Ага Кхан³⁰, реинкарнацией которого, как она верила, был ее собственный Али, распутничал и ходил по бабам всю свою жизнь. Несмотря на это, Хайди почитала его как божьего пророка.

Почему бы теперь не поклоняться этому другому Али, который буквально сам попал к ней в руки посреди Бруклина? Салли согласилась и таким образом распространила «хорошие новости» среди своих ближайших друзей, из которых они отобрали полдюжины новообращенных – девушек, которые поклялись хранить тайну и нести обет безбрачия в подражание безответной любви Али к Ирландской Модели.

За час до захода солнца Хайди устроила ритуал наподобие арати³¹, которые она посещала вместе с индийскими гуру.

³⁰ Принц Али Салман Ага-Хан (13.06.1911—12.05.1960) – сын султана Магомеда Шаха, Ага-Хана III, лидера секты шиитского ислама, третий муж актрисы Риты Хейворт. Занимал пост постоянного представителя Пакистана при Организации Объединенных Наций с 1958 по 1960 год.

³¹ Арати – в индуизме огненный ритуал почитания божества, уважаемой личности или священного предмета, в ходе которого объект поклонения освещается

Группа собиралась вместе и начинала с курения травки, так как курение травки считалось одним из священных занятий Али и, в соответствии с его расписанием, совершалось именно в это время дня. Они включали хаус-музыку из любимых ночных клубов Али и беспечно танцевали – танец был другим священным занятием Али. Музыка была на тему безответной любви, которую, в отличие от Дона Жуана (не важно, байроновского или кастанедовского³²), по слухам, Али никогда не получал.

зажженным светильником. Сопровождается звуками колокольчиков и чтением мантры.

³² Дон Жуан Байрона – повеса и обольститель, Дон Хуан Кастанеды – мудрый шаман индейского племени яки.

Глава 14

ПОНЕДЕЛЬНИК, 3 МАРТА 1986

Марк Купер из детективного агентства «Купер и Хелси» был приглашен университетом для разоблачения возможного крупного наркоторговца под псевдонимом Али. Купер открыл досье и начал читать:

«Студент, о котором идет речь, предположительно использует общежитие университета в качестве базы для продажи кокаина в ночных клубах Манхэттена, в которых он, как сообщается, замечен почти еженежно другими заслуживающими доверия и заинтересованными членами студенческого сообщества. Его инженерные исследования в этом университете являются прикрытием. Обратите внимание, что данное заведение известно в первую очередь своими художественными и дизайнерскими программами обучения. Как студент он очень примечателен, даже для человека состоятельного. Он одевается в дорогую одежду, похоже, заимствованную из гардероба Дона Джонсона для сериала „Полиция Майами: Отдел нравов“. В отличие от других наркоторговцев, Али предпочитает передвигаться не на броском авто, а с помощью метрополитена. Вероятно, это позволяет ему...»

Купер прервал чтение и посмотрел на одну из прила-

гавшихся фотографий: изображение парня, курящего косяк. Эта фотография, как и другие, была довольно хорошо сделана – возможно, лучше всех, из всех его личных дел – почти настолько хорошо, чтобы стать обложкой какого-нибудь журнала моды.

– И что творится с этими людьми искусства? – пробормотал Купер себе под нос, прикрепляя одну из фотографий к доске для заметок.

Глава 15

ЧЕТВЕРГ, 23 ОКТЯБРЯ 1986

В этот день я чувствовал себя полным придурком. Пока Известный Человек стоял в очереди за лекарствами, я показывал пародию на ведущего новостей: «На связи корреспондент КРУПНОЙ ТЕЛЕКОМПАНИИ Тед Банди, я веду прямой репортаж из больницы Шепард-Пратт, где мой коллега-корреспондент Известный Человек как раз собирается спрятать лекарства под языком и унести в свою палату, чтобы накопить таким образом внушительное количество для передозировки. Да, да, друзья мои, наш Известный Человек стоит перед классической дилеммой: глотать или не глотать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.